

Ю. В. ОЛЕЙНИКОВ

ПРИРОДНЫЙ ФАКТОР ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ

Климатические условия на Земле весьма различные: от оптимальных для человека как биологического существа (побережья теплых морей) до экстремальных (полярные области, высокогорья и т. п.). Исторически в процессе расселения людей по планете отдельные этносы, народы, государства обосновались на территориях с разными биофизическими характеристиками. По этим показателям их делят на две категории. Территории со среднегодовой температурой выше -2°C и расположенные на высоте более 2000 м над уровнем моря классифицируются как эффективные. Здесь природные условия приемлемы для длительного постоянного проживания человека. Остальная ойкумена менее благоприятна для бытия людей¹. К примеру, можно назвать северные территории, где проживание в экстремальных для биологического вида *Homo sapiens* условиях сопряжено с постоянным стрессом и его неблагоприятными последствиями для физического и психического состояния людей.

Специфика российской цивилизации, ее истории, своеобразие национальных черт характера населяющих ее народов, их вечная обособленность в остальном мире во многом определяются ее неповторимым природно-климатическим своеобразием: это самая обширная по территории (17,08 млн км) и самая холодная страна в мире (среднегодовая температура — $5,5^{\circ}\text{C}$ ниже нуля). Более 2/3 ее пространства (11,57 млн кв. км) — это северные или приравненные к ним территории, расположенные выше 65-й параллели. По площади эффективных территорий она уступает Австралии, Бразилии, Китаю, США².

¹ См.: Клименко В. Россия: тупик в конце туннеля // Общественные науки и современность. 1995. № 5.

² Конкретные проявления различия эффективных и прочих территорий представлены на сопоставлении ряда биогенных показателей США и России. См.: Антипова А. В. Эколого-

В 80-е годы в преддверии и на заре перестройки главным аргументом за осуществление экономических реформ, вхождение советских республик в европейскую цивилизацию было сопоставление экономической эффективности народного хозяйства СССР и США — двух супердержав, сопоставимых по количеству населения, валовому производству энергии, металлов и т. п., военному потенциалу. СССР значительно уступал Западу по уровню энергетических и материальных затрат на единицу готовой продукции, что делало его продукцию неконкурентоспособной на мировом рынке, и отсюда следовал вывод об экономической отсталости и бесперспективности его экономической и социальной системы в целом.

Если обратиться исключительно к экономической стороне вопроса, то надо констатировать, что подобные выводы были, мягко говоря, некорректными. Почему? Потому что в расчет не принимался природный фактор. Энергозатраты на производство аналогичной продукции на эффективных территориях в 2—3 раза ниже, чем в высокоширотных и высокогорных странах. Дополнительные ресурсы необходимы и для стран с обширными территориями. В этом свете «природные условия и в первую очередь климат... составляют экономический ресурс любого государства. Это означает, что страны, находящиеся в благоприятном климате, пользуются дополнительными запасами нефти, угля или газа»³.

Вопреки последним соображениям пропагандистский заряд, подведенный под здание СССР, сработал. Идея, овладев незначительной, но достаточной — «критической массой» населения, превратилась в материальную силу, сокрушила (не без помощи мировой закулисы), казалось, неразрушимый колосс — СССР. В результате современная Россия по состоянию эффективных территорий оказалась примерно в границах XVI века, то есть в том

ресурсный потенциал России и США // Человек и природа. Проблемы социоестественной истории. М., 1996. С. 63-65.

¹⁰⁰ См.: Клименко В. Экология, климат и историческая перспектива России // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 99.

положении, когда впервые осознанно был поставлен вопрос выбора геополитической стратегии развития.

Для определения геополитической стратегии современной России весьма поучительно рассмотреть, как исторически решалась проблема развития страны с крайне неблагоприятными природными условиями.

Если обратиться к истории Древней Руси, то надо отметить, что консолидация славянских племен в древнерусское государство произошла в момент климатического оптимума — заметного потепления в Европе. Центр кристаллизации племен, входивших в состав Киевской Руси, располагался значительно южнее современных границ России. Широкое хозяйственное освоение славянами центральных и северных районов Восточной Европы, смещение центра Руси во владимирские, а затем замосковские земли, начавшееся в X—XII вв. и продолжавшееся в период ордынского владычества, осуществлялось путем традиционного освоения ополей с преобладанием пашенного земледелия и распространением подсечно-огневого земледелия в лесной зоне. Соотношение населения ополей и леса составляло 1 к 10, и господствующей формой хозяйствования тогда было подсечно-огневое земледелие в сочетании с другими лесными промыслами⁴.

Такое соотношение определялось в первую очередь природными факторами. Крестьянин ополей при значительных затратах собственных сил и тяглового скота мог получить максимум биопродуктивности, обеспечиваемый природной машиной — землей, в течение одного летнего периода вегетации растений, причем этот период подвержен климатическим колебаниям, которые сказываются на урожайности сельскохозяйственных культур. Средний урожай на пашне составлял сам 3—5. Подсека же оказывалась по трудозатратам в соотношении с полученным урожаем производительнее в 1,5—15 раз, так как базировалась

⁴ См.: Кульпин Э. С. Путь России. Кн. 1. Первый социально-экологический кризис. М., 1995. С. 27–40.

на использовании солнечной энергии, аккумулированной растениями в течение многих лет. Не случайно при поджоге векового леса крестьянин несколько лет мог получать урожай сам 40—100. При этом он практически был застрахован от голода, периодически посещавшего ополья. Словом, пока было изобилие лесов и свобода лесопользования, население Восточной Европы довольно успешно преодолевало неблагоприятные климатические условия. Свидетельством этого был значительный — беспрецедентный для средневековья — рост народонаселения. Так, в XV веке население Северо-Западной Руси удвоилось. (Ордынское владычество пало во многом благодаря использованию энергетического потенциала лесов, использование которого привело к значительному росту народонаселения, а следовательно, к увеличению численности боеспособных граждан.)

Однако экстенсивное по своей природе подсечное земледелие было ограничено естественным природным ресурсом — лесом. Минимальная земельная площадь для жизнеобеспечения одной семьи составляла 100 десятин, но поскольку эти участки забрасывались через несколько лет эксплуатации, то, например, в пределах современной кольцевой дороги Москвы могли одновременно проживать всего 90 семей.

В XV веке естественная база подсечного земледелия на территории Восточной Европы была исчерпана, а население вынуждено перейти к пашенному земледелию. Этот процесс совпал с наступлением малого ледникового периода. В результате производство зерновых снизилось здесь в 3—5 раз. Продовольственная база заметно сократилась.

Дефицит эффективных территорий и технологически освоенных альтернативных энергетических ресурсов, а также соседство экономически сильных соседей на Западе поставили страну перед проблемой выживания. Выход был найден не на путях совершенствования производительных сил, поиска новых энергетических ресурсов и их технологического освоения, а в изменении системы ценностей и менталитета ранее практически вольного, самостоятельного хозяина, которые были принесены в

жертву жесткой централизованной государственной власти, взявшей на вооружение идею Великой России, консолидировавшей ее население на выживание путем проведения активной геополитики, направленной на расширение территории.

Осуществление этой геополитической стратегии на создание Великой державы складывалось для русской колонизации неоднозначно. Обширные территории на севере и востоке, населенные немногочисленными и экономически менее развитыми народами, были покорены и присоединены к России довольно легко. Но по природно-климатическим характеристикам они не были лучше исконно славянских земель. Их освоение могло быть только экстенсивным. Правда, эта геополитическая стратегия позволяла сбрасывать избыток населения из центральных районов, где в условиях традиционного хозяйствования из-за безземелья долго существовало относительное перенаселение. Эта колонизация не смогла изменить масштабы потребления энергии на душу населения, так как освоение обширных территорий требовало и значительных дополнительных затрат на их продуктивное использование.

Долгие войны Россия вела на западных и южных направлениях, где природные условия лучше, чем в Московии. Экономический эффект от их присоединения во многом сводился на нет территориальным ростом государства, необходимостью создания средств коммуникаций, защиты рубежей, увеличением расходов на армию и госаппарат.

Российская колонизация существенно отличалась от западной, которая, как правило, была направлена на эффективные территории, становившиеся донорами для метрополий, и без того находившихся в зоне эффективных территорий. Поэтому средства из колоний перекачивались на развитие собственно метрополии. Российской империи, чтобы быть Великой державой, приходилось, напротив, вкладывать средства в развитие присоединенных окраин с эффективными территориями. Это было более выгодно экономически и позволяло наращивать военный потенциал для новой экспансии. Подобная державная по-

литика была до определенного времени выгодна отдельным регионам, поскольку обеспечивала им защиту от завоевания соседями и привлечение дополнительных средств для их собственного развития. По этой причине отдельные народы добровольно становились под руку государя московского.

Подобная политика проводилась почти до конца XIX в. И это не случайно. Производительной силой, кроме человека, являются технологически освоенные природные ресурсы: пашня, домашние животные, энергия воды, ветра, ископаемые и т. п. Приращение территорий в ходе колонизации почти не влияло на изменение структуры производства, его энергонасыщенность, а следовательно, и на рост материального благосостояния основной массы людей и их социальную организацию. Мощь государства возрастала главным образом благодаря росту народонаселения, повышению его эксплуатации, сохранению крайне низкого уровня жизни, культивированию свойственной православии идеи соборности как общего спасения, а следовательно, коллективного бытия.

К середине XIX в. преимущества России: большая численность населения и громадные территории, позволявшие ей противостоять более сильным в экономическом отношении государствам, — стали утрачивать былое значение. Европейские страны, расположенные на эффективных территориях, нуждаясь для жизнеобеспечения своих граждан в меньшем количестве энергетических затрат на душу населения, получили благодаря промышленной революции возможность технологического овладения энергетическими ресурсами былых биосфер — ископаемым топливом (нефть, уголь, газ), энергетический потенциал которых значительно превосходил энергетический потенциал сельскохозяйственных продуктов и лесных ресурсов — основной энергетический источник доиндустриальной эпохи. Россия в силу значительно больших энергозатрат на нейтрализацию неблагоприятных природных условий и обширность территории стала уступать Западу в темпах промышленной революции, вступила в полосу военных поражений, утратила экспансио-

нистский порыв.

С высоты современности нельзя рассматривать геополитическую стратегию, проводившуюся Россией в течение 4 веков, оптимальной, но она позволила ей сохранить свою государственность, суверенитет, значительно увеличить численность населения, создать неповторимую культуру, систему ценностей и образ жизни людей. Россия сумела выстоять против суровой природы и внешней угрозы не только благодаря жесткой государственно-регламентирующей деятельности централизованной власти, мобилизовавшей все ресурсы на укрепление государства-державы, но и добровольного принятия населением идеи коллективного выживания, обусловившей беспрецедентную стойкость народа перед невзгодами, пренебрежение материальными благами, неприемлемость психологии крайнего индивидуализма.

На увеличение энергетического потенциала Европы, начавшееся с промышленной революцией, Россия вначале ответила испытанным способом — усилением государственной машины и ужесточением эксплуатации народа. Однако вскоре стало ясно, что этот ответ на новый вызов истории несостоятелен. Россия исчерпала все возможности экстенсивного хозяйствования на прежней материально-технической базе⁵. Нужна была коренная перемена технологического способа взаимодействия общества с природой, а следовательно, и всего способа бытия общества.

Россия приняла технологическую модель западной цивилизации, но отвергла ее ценности. В этом выборе, вероятно, решающую роль сыграло «коллективное бессознательное» — ин-

⁵ С 1861 г. — начала реформ в России — по 1913 г., несмотря на валовой рост производства, разрыв в душевом национальном доходе в сравнении с США, Германией и др. странами Европы не сокращался, а увеличивался. В 1900 г. Россия производила в расчете на душу населения 0,54 тонны условного топлива, в то время как США — 3,82, Великобритания — 4,56, Германия — 2,72, относительное же потребление, то есть потребление энергии с учетом природных факторов, было таково: Россия — 0,03, США — 0,32, Великобритания — 0,77, Германия — 0,44, (См.: Клименко В.//Общественные науки и современность. 1995. №8 5. С. 77).

стинкт самосохранения. Навязывание западной либеральной модели наталкивалось на ожесточенное сопротивление. Россия за неполных 2 десятилетия прошла через три революции. Ощущение слабости государства, потери эффективных территорий (Финляндия, Польша, Прибалтика и др.) заставили народ консолидироваться вокруг власти, политика которой более всего способствовала задачам коллективного выживания.

Только благодаря невероятным человеческим и материальным жертвам преемнику России — СССР — удалось, опираясь исключительно на свои силы, в удивительно короткий срок создать экономический и военный потенциал индустриального общества, позволившие ему сохранить свою целостность, выжить в условиях экономической изоляции и агрессивного противостояния всего остального мира.

Беда в том, что мобилизационная стратегия позволила лишь минимум приращения энергетического потенциала, осваиваемого с помощью индустриальных технологий, направлять на рост благосостояния людей. Однако в силу жесткой государственной регламентации и коллективистских ценностей он использовался довольно эффективно, что выразилось в заметном улучшении структуры и качества питания, медицинского обслуживания, образования людей, развитии науки, социальной защиты граждан и пр. и отразилось на росте продолжительности жизни людей, культуре народов СССР. Основной же прирост энергетического потенциала материализовался в гигантах индустрии, обеспечивавших потребности геополитической стратегии сдерживания агрессии и самообеспечения.

Автаркия была продиктована не только политической изоляцией СССР, но и неконкурентоспособностью на мировом рынке товаров, производимых на неэффективных территориях. Для нормального развития страны необходимо было найти свою нишу в международном разделении труда. Вместо этого экономика продолжала ориентироваться на полное самообеспечение. Это помогло выстоять в Отечественной войне. СССР смог, переведя на жизненно необходимый минимум энергетический па-

ек народного хозяйства, сосредоточить весь энергетический потенциал на нуждах войны и превзойти тем самым мощь военной машины почти всей Европы.

Прорыв экономической блокады стал возможен только после войны, когда, опираясь на «авторитет» вооруженных сил и коммунистические движения ряда стран, СССР удалось объединить ряд государств в политико-экономический альянс, образовавший своеобразный «второй мир».

Этот мир был слабо интегрирован в мировой капиталистический рынок, имел в рамках СЭВ собственную валюту, объединялся идеологией, во многом свойственной идеологии системообразующего народа российского суперэтноса (то есть провозглашением примата духовных ценностей, вторичности материальных благ, коллективности и взаимопомощи и т. п.), которые позволяли этому миру сохранять государственную целостность и суверенитет его членов от экономической, политической и культурной экспансии энергетически более мощного «первого мира». Экономика стран СЭВ и некоторых других государств содружества не ориентировалась на рыночные механизмы стоимости, а представляла собой специфический бартер — обмен натуральными продуктами, необходимыми той или иной стране для их общего существования.

Военный гегемонизм СССР обеспечил на определенное время возрождение геополитической стратегии использования чужих эффективных территорий для собственного выживания. Благодаря плановому регулированию экономика второго мира позволила сосредоточить значительную долю производства предметов народного потребления на эффективных территориях, где их себестоимость была значительно ниже, чем в России, последняя же специализировалась главным образом на обеспечении содружества средствами производства, сырьем и энергией и взвалила на себя бремя разработки и производства вооружений, содержания армии, фактически обеспечивавшей военный паритет с остальным миром. В результате страны-сателлиты получили дополнительные сырьевые и энергетические ресурсы на

развитие собственной экономики, инфраструктуры и т. п. Их продукция стала приближаться по своим показателям к стандартам ведущих стран мира. Россия же, даже в масштабах СССР, практически весь прирост энергоресурсов по-прежнему направляла в самую энергоемкую, но далекую от потребностей людей сферу милитаризации, в добывающие отрасли, финансируя другие сферы бытия общества по остаточному принципу. Это позволяло сохранить баланс сил, но западные страны из-за более благоприятных природных условий и меньших затрат на поддержание биогенных условий существования людей постепенно наращивали отрыв в уровне благосостояния своих граждан, делая более привлекательной свою модель цивилизационного развития.

Еще в начале века некоторые территории Российской империи, прежде всего эффективные, экономически окрепнув, начали проявлять настроения сепаратизма, которые в конечном счете привели к их отделению от России. Та же самая причина сработала позднее, когда сателлиты СССР и его республики ввиду изменившегося соотношения сил на мировой арене и в уровне развития собственно с Россией почувствовали возможность, используя преимущества своих эффективных территорий, найти собственную нишу в мировом разделении труда, выйти из-под жесткой опеки России и ориентации на геополитическую стратегию выживания последней, обрести право выбора собственного пути исторического и культурного развития. Однако развал СССР привел к новой геополитической ситуации, заставившей страны, находившиеся в зоне влияния России, определяться в новом мире в зависимости не только от степени их энергетического потенциала, но и интересов современных хозяев мира — транснациональных компаний.

Утратив эффективные территории стран-сателлитов и бывших советских республик, Россия оказалась в исключительно тяжелом положении. При производстве в 1994 году 7,01 тонны условного топлива в год на человека относительное его потребление (с учетом природного фактора) составило всего лишь 0,37

ут/г. (Для сравнения см.: США — 11,00 и 0,91, Германия — 5,86 и 0,95, Япония — 4,81 и 0,99, Конго — 0,91 и 0,36.) Таким образом, Россия потребляет лишь около 40% энергии, необходимой для обеспечения уровня жизни развитых стран, и по этому показателю находится в конце первой сотни из 152 государств мира, имеющих население свыше 1 млн человек каждое, далеко позади не только развитых, но и многих развивающихся стран — Зимбабве, Парагвая, Иордании и др.⁶

Взяв за основу валовые показатели производства, сопоставимые с развитыми странами Запада, реформаторы связали надежды на скорое повышение уровня благосостояния людей с переходом на западную модель развития с ее ценностями и приоритетами: либеральной рыночной экономикой, индивидуализмом, частной собственностью и высокими стандартами потребления. Для этого им пришлось отказаться от государственного планирования экономики, строгого регламентирования всей жизнедеятельности общества, провозгласить политику открытых дверей, отказаться от идеологии коллективного выживания, что фактически явилось устранением фундаментальных основ многовекового бытия России. Отказ от автаркии и политика открытых дверей без необходимой законодательной базы, регламентирующей деятельность иностранных компаний на территории России, и защиты отечественных производителей сделали неконкурентоспособной ее продукцию даже на внутреннем рынке. По историческим меркам практически моментально оказались разрушенными промышленность и сельское хозяйство. Страна фактически существует за счет стратегических запасов, созданных СССР, и распродажи по демпинговым ценам природных ресурсов, способствуя тем самым ускоренной постиндустриальной модернизации многих стран мира. Катастрофично положение и бывших советских республик, лишившихся обширного российского рынка. Здесь четко обозначился процесс деиндустриализации — снижение уровня потребления энергии

⁶ См.: Клименко В.//Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 77.

на душу населения. Вместо ожидавшегося процветания они вступили в полосу системного социоприродного кризиса — социальной нестабильности, деградации культуры, науки, образования, здравоохранения и пр., ухудшения экологической обстановки, интегральным показателем чего является снижение продолжительности жизни людей и депопуляция.

Никто из серьезных аналитиков не отваживается на предсказание оптимистического сценария развития России. Для достижения современного уровня благосостояния постиндустриальных стран она, при сохранении нынешней численности населения, должна увеличить производство энергии хотя бы до 14,2 тут/год на человека (оптимальный показатель — 19 тут/год чел.), налицо же тенденция падения этого показателя (1990 г. — 0,44 в относительных единицах, 1994 — 0,37)⁷. Сужение внутреннего рынка и насыщение западного дешевым сырьем и энергией делают экономически совершенно неэффективными вложения в российскую экономику, утечку капиталов и как следствие — всеобщий коллапс для своеобразной российской цивилизации.

Возникает вопрос: а есть ли реальные предпосылки для новой геополитической стратегии, способной обеспечить России ее дальнейшее бытие в истории человечества? Пока еще есть! Это: ядерный щит против внешней агрессии и шантажа, окончательно не разрушенный народно-хозяйственный комплекс (энергосистемы, транспорт, связь), общая судьба народов России, значительный научный потенциал и довольно высокий уровень образования, традиционный аскетизм и еще живая вера в общее спасение, приоритет государственных, коллективных ценностей в сознании народа, как ни странно, территориальные масштабы и тяжелые природные условия, обуславливающие социокультурный архетип России. Есть предпосылки и вне России: противоречия среди притязающих на ее территорию и ресурсы центров мирового влияния; тяготение к России экономи-

⁷ См.: Клименко В.//Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 103.

ки и населения бывших советских республик и поиск у нее защиты от внешней угрозы и др. Список можно умножить.

Обратимся к природным факторам геополитической стратегии России в условиях нынешней глобальной нестабильности. Тенденция глобального потепления к середине будущего столетия выразится для России более ощутимо — составит $2,1^{\circ}\text{C}$, в то время как в среднем на планете температура повысится на 1 градус. Это приведет к снижению потребностей в энергии на преодоление негативных природных факторов. Россия — кладовая полезных ископаемых планеты. На ее территории сосредоточено 30 % мировых запасов угля, 40 — нефти, 45 — газа, 50 — сланцев, 44 — железных, 30 — хромовых, 74 — марганцевых руд, 40 процентов запасов редкоземельных ископаемых, 28 — алмазов, 30 — драгоценных камней, она обладает самыми большими лесными массивами — легкими планеты. При рациональном использовании достижений НТР энергетический потенциал России и полезные ископаемые могут обеспечить безбедное существование на ее территории не только нынешних 150 млн человек — 5% мирового населения, но и гораздо большего числа людей, поскольку технологии, созданные в ходе развертывания НТР, позволяют на порядок в сравнении с индустриальными поднять уровень утилизации исходного продукта, то есть существенно уменьшить энергетические затраты на единицу продукции.

В. Клименко, ссылаясь на мировую тенденцию к государственному обособлению, продиктованную неэффективностью больших государств, предрекает России (если она окончательно примет идеологию общества потребления) распад на множество государственных образований, тяготеющих к регионам с различными природными условиями, каковых в пределах России географы насчитывают более 30⁸.

Действительно, существуют регионы, которые являют собой некие «солнечно-бассейновые единицы биосферы», биогеоцено-

⁸ См.: Клименко В. // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 104–105.

зы или подобные им образования, представляющие целостный, удобный вмещающий ландшафт для проживающего в нем этноса, за обладание которым они ведут многовековую борьбу, чему история знает массу примеров (Чечня). Эти территории трансформируются в определенную природно-хозяйственную систему и провоцируют стремление к обособлению. Но есть у истории и другие примеры — тяготение этносов, занимающих локальные природно-хозяйственные образования, к большим территориально-хозяйственно-политическим объединениям, постоянному их воспроизводству (империя Македонского и Османская империя; Римская империя, Великая Римская империя, Третий рейх и Единая Европа; Золотая Орда; Российская империя, СССР, СНГ). Видимо, есть веские аргументы в пользу сохранения неких суперэтносов с их тяготением к определенному вмещающему ландшафту, продиктованным выгодами более тесной интеграции народов, хозяйствующих в разных природно-климатических условиях. И эта тенденция представляется сильнее как раз для территорий с менее благоприятными природными условиями, которым необходимы совместные усилия для преодоления природных тягот.

Искусственные границы республик СССР были проведены довольно произвольно и не совпадали с естественными природными границами естественных биосферных провинций (биогеоценозов). Из-за этого возникают сейчас конфликты, но, с другой стороны, отдельные природно-хозяйственные регионы диктуют и другую геополитическую стратегию — восстановление границ вмещающего ландшафта веками складывавшегося российского суперэтноса как фактор стабильности бытия обширного региона, определенной социоприродной целостности.

Геополитические тенденции к государственному обособлению достигли своего максимума на закате индустриальной эпохи, когда отдельные государства надеялись обеспечить собственное благополучие вне зависимости от остального человечества. Ситуация меняется с возникновением глобальных проблем. Геополитическая стратегия ТНК на выживание «золотого

миллиарда» ценой ограбления остального мира и удушения России по крайней мере недалёковидна. Ее ресурсы могут стать предметом раздоров и новой мировой войны, разрушительный потенциал которой определяют теперь абиогенные источники энергии (атомная, химическая), многократно превосходящие по своей мощи биогенный потенциал биосферы, в результате применения которых неизбежна глобальная экологическая катастрофа, одинаково смертельная и для богатых, и для бедных стран. Люди должны принять (фундаментальную для России) концепцию общего спасения для обеспечения выживания всего человечества.

Тенденция к сотрудничеству обуславливается еще и следующими обстоятельствами. Известно, что нынешний состав живого вещества биосферы, включая человека, может существовать в пределах узкого диапазона изменений биогенных (необходимых для сохранения жизни) планетарных констант: температуры и химического состава атмосферного воздуха, pH природных вод, уровня естественного радиационного фона, мощности озонового слоя и ряда других естественных характеристик нынешней биосферы. В постиндустриальном обществе человек, используя абиогенные источники энергии, способен инициировать природные процессы, превосходящие по своей мощи естественные биосферные и геологические процессы, и тем самым существенно влиять на биосферные (планетарные) константы, что недопустимо с экологической точки зрения. Словом, человечество впервые в своей истории достигло пределов свободы материально-преобразующей деятельности в природе, столкнулось с абсолютными ограничениями бытия общества. Раньше люди обязаны были учитывать факторы относительных экологических ограничений (неблагоприятные климатические условия, низкое плодородие сельскохозяйственных угодий и т. п.), которые преодолевались созданием «второй природы», совершенствованием производительных сил и т. п., то есть развитием культуры и цивилизации. Осознание недопустимости нарушения биогенных констант биосферы и наличие абсолютных огра-

ничений свободы человеческой деятельности в природе являются существенным фактором канализации возможностей дальнейшего цивилизационного развития человечества в целом и отдельных этносов. Этим заметно ограничивается веер возможных вариантов развития техносферы как средства воздействия человека на природу, а также принятие определенных ценностных приоритетов, обуславливающих выбор социальных форм организации общественного производства.

Решение кризисных социально-природных проблем в постсоветской России во многом будет зависеть от состояния советского суперэтноса. Если продолжится процесс его распада и, следовательно, дробление единого прежде вмещающего ландшафта, необходимы совершенно иные стратегия и тактика преодоления кризиса, нежели при возобладании тенденции к консолидации, новой интеграции республик бывшего СССР. Необходимо разрабатывать возможные модели выхода из кризиса, учитывая разные временные периоды (краткосрочные, долгосрочные) с вычленением последовательности смены приоритетов геополитической стратегии. При современном состоянии неопределенности бифуркационного периода социоприродной истории сделать это очень сложно. Однако уже сейчас можно выделить некоторые реалии, которые, наряду с названными выше, существенным образом влияют на спектр возможных каналов эволюции российской цивилизации, определяют сознательный выбор антикризисной геополитической стратегии.

Оптимизм в отношении будущего России опирается на ее собственный исторический опыт и опыт ускоренной модернизации ряда стран Восточной и Юго-Восточной Азии, азиатских драконов, которые, правда, все расположены на эффективных территориях и поэтому нуждаются в меньших затратах энергии на душу населения для достижения уровня благосостояния постиндустриального общества. По другим же показателям стартовые условия их модернизации были несопоставимы с российскими. Многие из них только в XX веке избавились от колониальной зависимости, обрели государственную самостоятель-

ность, начали модернизацию с уровня традиционных аграрных обществ или имея лишь зачатки индустриального производства, чрезвычайно низкий уровень жизни, образования населения, полное отсутствие собственной научной базы, сколько-нибудь значительных запасов полезных природных ископаемых и т. п. Их успехи определялись ориентированной на общенациональные интересы политикой, предполагавшей максимальное использование своего природно-климатического и геополитического положения, всемерной экономии средств для целей овладения самыми перспективными достижениями НТР, повышением уровня образования и состояния здоровья главной производительной силы общества — человека, обеспечения социальной стабильности, консолидации населения вокруг национальных приоритетов.

Все это не ново. Россия в разные исторические периоды применяла подобные методы для преодоления своих социальных и природных трудностей. Как и прежде, она может выбрать из системного социоприродного кризиса, опираясь только на свои собственные силы, что требует налаживания жесткого контроля за экспортно-импортными операциями, сокращения нерационального потребления, суровой экономии и мобилизации всех ресурсов на создание уникальных наукоемких производств, с помощью которых в настоящее время только и возможно завоевать место на уже поделенном транснациональными компаниями мировом рынке, возродить армию и могучий научный потенциал. Тогда исчезнет угроза потери экономической и политической самостоятельности, культурной самобытности, Россия сможет стать экономическим партнером и военно-политическим гарантом для своих соседей, превратится в субъект активной международной геополитики. В современных условиях международного разделения труда России жизненно важно переориентировать народное хозяйство в целом: отказаться от производства заведомо неконкурентоспособной продукции, оправданного в условиях автаркии, от практики насильственного расширения эффективных территорий и соответству-

ющей политики, ориентирующей на милитаризацию экономики. Это высвободит колоссальный научно-технический и энергетический потенциал, человеческие и природные ресурсы для экономически эффективной деятельности, для роста благосостояния людей.

Бытие человечества в постиндустриальном обществе нуждается в принципиально новом мировоззрении, отвергающем, кстати, основные ценности ныне процветающего «золотого миллиарда», ибо, как показывают строгие математические расчеты, биосфера Земли уже теперь не в состоянии компенсировать антропогенные возмущения, вызванные безудержным ростом производства, подчиненного целям удовлетворения прихотей общества массового потребления.

В постиндустриальном обществе деятельность отдельного человека может дать эффект глобального масштаба (Чернобыль), с которым не справится многим государствам. Эти соображения должны стимулировать не только интеграцию бывших союзных республик, но и необходимость более взвешенных межгосударственных отношений: оказание помощи менее развитым государствам, подтягивание их до уровня безопасности, обеспечиваемой высоким уровнем благосостояния, отказ от нерациональных энергозатрат в пользу созидательной деятельности производства и воспроизводства благоприятных естественных условий существования людей — экологического производства. Эта сфера деятельности должна стать альтернативной приоритетам безудержного роста потребления и экспансионистских амбиций решения собственных проблем за счет других народов.